

наличие позволяет подготовить к восприятию чужой культуры на интуитивном уровне и выработать тактику и стратегию поведения при контакте с представителями других культур.

Литература

1. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – М.: Приор, 1998. – 224 с.
2. Саблина, С. Г. Барьеры коммуникации в межкультурной среде / С. Г. Саблина // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С.69–70.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 624 с.
4. Федюковская, М. Г. Роль этнопсихологических факторов в обучении британских студентов русскому языку / М. Г. Федюковская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=8146>. – Дата доступа: 10.02.2019.

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: irinazaj91@mail.ru

УДК 811.161.1'271"18":316.7(44)

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РЕЧЕЭТИКЕТНУЮ СФЕРУ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА (на материале трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность»)

Ключевые слова: *классическая литература, речевой этикет, рече-этикетная формула, обращение, взаимодействие лингвокультур.*

Статья посвящена анализу словесно-художественной ткани трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» с позиций отражения процессов, характерных для речеэтикетной сферы семейной дворянской коммуникации эпохи XIX века. Продемонстрировано, что данная коммуникативная среда испытывала достаточно осязаемое влияние французской культуры, отразившееся, в частности, в использовании характерных языковых единиц в роли речеэтикетных формул – вокативов.

I.P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE INFLUENCE OF FRENCH CULTURE ON RECREATIONAL THE SPHERE OF RUSSIAN LINGUACULTURE OF THE XIX-th CENTURY (on the material of the trilogy L. N. Tolstoy's "Childhood. Boyhood. Youth")

Key words: *classic literature, speech etiquette, speech etiquette's formula, interaction of linguacultures.*

The article is devoted to the analysis of the verbal and artistic fabric of the trilogy L. N. Tolstoy's "Childhood. Boyhood. Youth" from the standpoint of reflection of the processes characteristic of the speech and etiquette sphere of the family noble communication of the XIX century. It is shown that this communicative environment has experienced quite a tangible impact of French culture, reflected, in particular, in the use of characteristic linguistic units in the role of speech etiquette formulas – vocatives.

Классические литературно-художественные произведения, воссоздающие в образно-эстетической форме картины жизни минувших эпох, содержат сведения не только о своеобразии быта наших предков, о характерных особенностях их повседневного, официального и любого другого существования, но и информацию о духовном своеобразии прошлого, его морально-этических устоях, нравственных ценностях и под. Подобные сведения из произведений художественной литературы расширяют наши познания о манерах поведения предков, характере их общения между собой, в том числе и о существовавшем ранее этикете, неотъемлемым компонентом которого является *речевой этикет*. Именно из художественной литературы мы получаем достаточно подробную (а нередко – и весьма специфическую, более нигде не содержащуюся) информацию о данной коммуникативной сфере, узнаём о том, *как именно* (в каких регистрах, в какой тональности, обращаясь к каким речевым формулам и под.) общались между собой носители русской лингвокультуры XIX-го века; что при этом было для них наиболее важным, чему уделялось первостепенное внимание и т.д.

В знаменитой трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», помимо художественного изображения семейных традиций, жизненного уклада, быта и т.д. русских дворянских семей эпохи XIX-го века, эстетически осмыслен и весьма любопытный для исследователей-гуманитариев различного профиля процесс взаимодействия русской лингвокультуры в тогдашнем её состоянии с лингвокультурой французской.

Как известно, среди представителей высших общественных сословий русского социума XIX-го века весьма распространённым явлением была французская речь, знание и умение владеть которой считались одними из необходимых составляющих полноценного не только образования, но и воспитания для практически всех поколений носителей русского языка, принадлежащих к высшему обществу.

Коммуникативно-речевые элементы, отразившие явное влияние французского языка на русскую культуру, нередко встречаются и в словесной ткани известной трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», причём, по нашим наблюдениям, употребляются они автором достаточно последовательно и системно. В подобных случаях прежде всего обращает на себя внимание *характер употребления* в произведениях

Л. Н. Толстого лингвистических единиц такого рода, которые, как правило, используются в *графическом* (и соответственно *орфоэпическом*) и *грамматическом* «облика», в основном, а иногда и полностью, отражающих характеристики означенных типов, свойственные используемым элементам в языке-источнике (в данном случае – во французском языке, из которого они заимствованы русским).

Так, уже на первых страницах начальной части трилогии, повести «Детство» («Глава II. **Maman**»), мы встречаем: *«Поздоровавшись со мною, **taman** взяла обеими руками мою голову и откинула её назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:*

– Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

– О чём ты плакал?

Когда она разговаривала с нами по-дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

*– Это я во сне плакал, **taman**, – сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманный сон и невольно содрогаясь при этой мысли»* (выделено мною. – И. З.) [3, 9 – 10].

Использование в межличностном общении номинации **taman** художественно зафиксировано в трилогии Л. Н. Толстого неоднократно и, как уже было отмечено, прибегает к ней автор достаточно системно. Во-первых, в повестях «Детство» и «Отрочество» – как в собственно повествовании, так и в эстетически осмысленных коммуникативных ситуациях – номинация **taman** весьма часто употребляется членами изображаемой в трилогии семьи Иртеньевых: главным героем (*Николенькой*), его братом (*Владимиром*) и сестрой (*Любочкой*) – по отношению к их матери, *Наталье Николаевне Иртеньевой*; отцом семейства, *Петром Александровичем*, – по отношению к своей тёще, бабушке его детей.

Так, во второй части трилогии, повести «Отрочество», находим:

«– Видите, мой милый, – сказала бабушка, обращаясь к папа, когда Глаша, продолжая ворчать, вышла из комнаты, – как со мной говорят в моём доме?

*– Позвольте, **taman**, я сам натру вам табак, – сказал папа, приведённый, по-видимому, в большое затруднение этим неожиданным обращением. ...*

Папа с почтительным любопытством смотрел на бабушку.

– Да, они вот чем играют. Покажите им, – сказала она, обращаясь к Мими.

Папа взял в руки дробь и не мог не улыбнуться.

*– Да это дробь, **taman**, – сказал он, – это совсем не опасно.*

– Очень вам благодарна, мой милый, что вы меня учите, только уж я стара слишком...» (выделено мною. – И. З.) [3, 116–117].

Во-вторых, эту же номинацию – *taman* – нередко используют в речи и другие персонажи трилогии Л. Н. Толстого, например, *Катенька*, дочь гувернантки Мими, упоминая в разговоре с Николенькой о своей матери (повесть «Отрочество»): «... *Катенька* поняла, что мне больно её равнодушие; она подняла голову и обратилась ко мне:

– Папа говорил вам, что мы будем жить у бабушки?

– Говорил; бабушка хочет совсем с нами жить.

– И все будем жить?

– Разумеется; мы будем жить наверху в одной половине; вы в другой половине; а папа во флигеле; а обедать будем все вместе, внизу у бабушки.

– *Матап* говорит, что бабушка такая важная – сердитая?

– Не-ет! Это только так кажется сначала. Она важная, но совсем не сердитая; напротив, очень добрая, весёлая. Коли бы ты видела, какой бал был в её именины!» (выделено мною. – И. З.) [3, 107].

Номинация *taman*, используемая в трилогии Л. Н. Толстого в варианте, существующем в языке-источнике (французском языке), функционирует в художественном тексте как **варваризм** (слово, не полностью освоенное либо вовсе не освоенное заимствующим языком), сохраняя при употреблении изначальный вид, а также свойственные ему в языке-источнике грамматические особенности (в анализируемых художественных текстах она «ведёт» себя как несклоняемое имя существительное).

О широкой распространённости в дворянской среде номинации *taman*, чаще всего выполняющего функцию обращения (вокатива), свидетельствуют и данные «Словаря русского речевого этикета» А. Г. Балакая, где в обширной словарной статье, посвящённой обращению «мама», среди вариантов последнего приводится и обращение *маман (taman)*, сопровождаемое значком «песочные часы», который в словаре применяется «для указания устаревших или устаревающих слов и выражений, а также их и семантических вариантов и грамматических форм» [2, 19], и следующим описанием: «**Мамá. Мамáн.** [Франц. *taman* – мама, маменька, мамаша.] ... До революции обращение к матери (реже – к свекрови или тётше) на французский манер в дворянской полиязычной среде. [Ваня и Катя (вбегают):] Мама, идите скорей. [Мария Ивановна:] Иду, иду. Л. Толстой. И свет во тьме светит. – Матап, татап, – вскричала, вбегая в комнату девочка лет одиннадцати, – к нам Владимир Николаевич верхом едет! И. Тургенев. Дворянское гнездо» [1, 252].

Представляется, что в известной степени можно расценивать как **варваризм** и постоянно используемую (во всех трёх частях трилогии) номинацию *naná*, которая, хотя и оформлена графически в соответствии с правилами русского языка, тем не менее как *грамматически*, так и *орфоэпически* «ведёт» себя в соответствии с законами языка французского, что вполне отчётливо выявляется при контекстуальном анализе данной линг-

вистической единицы (несмотря на то, что автор не фиксирует в слове *папа* – в соответствии с нормами французского языка – ударения на последнем слоге).

Так, уже в одной из первых глав повести «Детство» («Глава III. Папа») находим: «Поговорив ещё о погоде – разговор, в котором приняла участие Мими, – *tata* положила на поднос шесть кусочков сахара для некоторых почётных слуг и подошла к няльцам, которые стояли у окна.

– Ну, *ступайте* теперь к *папа*, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашёл, прежде чем пойдёт на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы *пошли к папа*. Пройдя комнату, удержавшую ещё от времён дедушки название официантской мы вошли в кабинет» (выделено мною. – И. 3.) [3, 10].

Из приведённого контекста следует, что номинация *папа* функционирует в художественном дискурсе как *несклоняемое* существительное, то есть демонстрирует грамматическими качества, свойственные ему во французском языке (*ступайте ... к папа; мы пошли к папа*), в связи с чем его логично и произносить, соблюдая нормы французской орфоэпии: *paná*.

В трилогии Л. Н. Толстого явные следы французского влияния присутствуют и в других случаях. Так, имя второго гувернёра братьев Владимира и Николая Иртеньевых, француза по происхождению, также функционирует в текстах повестей как **варваризм**, будучи последовательно используемым в своём первоначальном (французском) графическом облике: *St.-Jérôme*. Однако в данном случае можно заметить и определённую «обруселость» этого французского имени, в том числе и в сравнении с несклоняемыми номинациями *tata* и *paná*: при использовании имени гувернёра в косвенных падежах к французскому имени в его первоначальном графическом виде добавляются соответствующие русские падежные окончания – например: *St.-Jérôme'a*.

«На французский манер» – *Мими* – зовут и явно русскую по происхождению компаньонку матери (впоследствии – покойной) братьев и сестры Иртеньевых, которая проживает в их семье вместе с дочерью Катенькой и одновременно выполняет обязанности гувернантки; именно так обращаются к ней все вступающие в общение – как взрослые, так и дети семьи Иртеньевых; как знакомые, так и незнакомые люди.

Обращения друг к другу в соответствии с традициями французской культуры были в принципе широко распространены в сфере дворянской коммуникации XIX-го века, причём для этого могли использоваться как одиночные личные *имена-варваризмы* (например, *Nicolas*), так и личные имена в сочетании с французским *monsieur* (*monsieur Nicolas*), а также устойчивые речевые формулы – обращения без личных имён (типа *mon cher*). Ср. в связи со сказанным приводимые далее примеры из третьей части трилогии Л. Н. Толстого – повести «Юность»:

«Княгиня засмеялась как будто бы неестественным смехом (впоследствии я заметил, что у ней не было другого смеха).

– Однако это, должно быть, правда, – сказала она. – А что, вы долго здесь пробудете, *Nicolas*? Вы не обидитесь, что я вас зову без *monsieur*? Когда вы едете?»;

«– Вам, я думаю, скучно, *monsieur Nicolas*, слушать из середины, – сказала мне Софья Михайловна с своим добродушным вздохом, переворачивая куски платья, которое она шила»;

«– *Merci, mon cher*, – сказала она (Софья Ивановна), – я сама иду туда, так скажу» (везде выделено мною. – И. З.) [3, 236–237].

Все приведённые текстовые примеры убедительным, на наш взгляд, образом демонстрируют связь речевого этикета с культурой нации, в том числе и ориентацией последней в определённый период своего развития на культурные традиции другой страны. Каждое обращение-вокатив одного коммуниканта к другому в этом случае становится знаком, содержащим обширный комплекс сведений не только (а иногда – и не столько) лингвистического, но и иного характера: культурного, социального, психологического, эстетического и т. д.

При этом, как представляется, полностью подтверждается и мнение Н. И. Формановской о речевом этикете как категории, **концентрирующей** в себе многообразную информацию, явно выходящую за пределы собственно лингвистики: «Функции речевого этикета, базируясь на присущей языку коммуникативной функции, складываются из взаимосвязанных специализированных функций: контактоустанавливающей (фатической), ориентации на адресата (конативной), регулирующей, волеизъявления, побуждения, привлечения внимания, выражения отношений и чувств к адресату и обстановке общения» [4, 414].

В заключение отметим, что целью нашего фрагментарного анализа произведений Л. Н. Толстого было стремление ещё раз акцентировать внимание на том, что произведения классической русской литературы могут быть привлечены ко многим лингвистическим и междисциплинарным исследованиям как уникальные источники, воссоздающие неповторимый коммуникативно-культурный контекст русских дворянских семей XIX-го века, в формировании которого речэтикетным формулам и речевому этикету в принципе, испытывающим в рассматриваемый период явное влияние французской лингвокультуры, принадлежала весьма существенная роль.

Литература

1. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета : 2-е изд., испр. и доп. / А. Г. Балакай. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Балакай, А. Г. Условные обозначения / А. Г. Балакай // Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета : 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. – С. 19.

3. Толстой, Л. Н. Детство ; Отрочество ; Юность / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1986. – 320 с. (Серия «Классики и современники. Русская классическая литература»)

4. Формановская, Н. И. Речевой этикет / Н. И. Формановская // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 414 – 415.

Е.В. Турковская

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: e.turkovskaya@mail.ru

УДК 82.091”17/18”:94(44)”17/18”

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ РОМАНТИЗМА В ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: эпоха Просвещения, литературные движения, Романтизм в литературе, Великая Французская революция, немецкий романтизм.

В статье определено, что истоки романтической литературы коренятся в идеях позднего Просвещения. Выявлены общественно-исторические предпосылки возникновения анализируемого литературного течения, а именно: возросшая активность немецкой буржуазии, стремительно развивающийся капитализм, потребность в новых правовых отношениях, формирование рабочего класса. Определена роль Великой Французской революции в формировании идей немецкого романтизма. Установлено, что результатом осмысления итогов Французской революции в литературе было утверждение в творчестве немецких писателей темы утраченных иллюзий.

E.V. Turkovskaya

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE INFLUENCE OF THE IDEAS OF THE GREAT FRENCH REVOLUTION ON THE RISE OF LITERATURE OF ROMANTICISM IN GERMANY

Key words: the Enlightenment, literary movements, Romanticism in literature, the Great French Revolution, German Romanticism.